

седам. Это давало ему сил, возбуждало его недюжинный интеллект, который толкал сердце вопреки смертельной болезни. "Пойдем, сына, я привожу тебя до лифта!" Я пошел отца, встал, накинул "аляску". Навстречу мне в палату вошла медсестра. Толкая перед собой стойку для кельницы, она деловито подошла к отцу: "Ну, Олег Константинович, пора принимать лекарства!". Батя махнул мне рукой на прощание, мол, "иди-ди, не стой в дверях".

БАНКА С НЕДОНОСКОМ

- Прошу вас, господа, ожидайте здесь. Государь скоро примет вас, - двухметровый офицер в форме кавалергарда рукой предложил жандармским генералам занять два стула у малахитового камина. Приемная, открывающая ряд личных комнат Императора, расположенных на первом этаже правого флигеля дворца, была пуста. Возможно, царь Николай только что приехал в Царское Село из Петрограда. Генерал Личной Службы Его Величества Владимир Джунковский и тот, кого ему пришлось сопровождать на встречу с Государем, оказались здесь первыми посетителями.

Генерал-майор Миткевич-Жолток был здесь впервые. Странное дело - несколько лет учился в Санкт-Петербург - сначала в З-м Военно-Александровском училище, а затем в престижной Александровской военно-юридической академии, да вот в Царском Селе к своему стыду так и не побывал.

В городе Петра многое носит имя Александра. Вот и Царь Николай в последние годы со своей семьей предпочитал жить в Александровском дворце. Именно сюда, в Царскосельский императорский дворец, который еще именовался Новым, съезжались министры, знатные вельможи, послы, приглашенные Главой Дома Романовых на совещания и личные аудиенции. Джунковский бывал здесь не раз. Пока Николай Антонович рассматривал картины, фотографии в серебряных рамках, люстру, подставки для старинных ружей и знамен, Владимир Федорович вполголоса продолжал дружескую беседу с офицером-кавалергардом, видимо, служившим в личной охране Императора.

Неожиданно одна из створок коридорной двери распахнулась, и в приемную вошел Государь. Будто приветствуя Русского Царя, забыли каминные часы.

Император никогда не держал при себе личных секретарей. Все свои встречи он вел и протоколировал сам. Даже своих гостей, ожидавших в Приемной, часто приглашал к себе сам. Вряд ли кто из монарших особ до и после него был столь обязателен и педантичен.

Николай II подошел к Джунковскому и протянул ему руку. Помощник Министра внутренних дел и Командир Отдельного Корпуса Жандармов ответил Царю крепким мужским рукопожатием и представил своего спутника.

- Я приглашаю вас в Новый кабинет. Следуйте за мной, господа! - хозяин дворца провел гостей в Парадный кабинет. Это было место заседаний Совета министров, представления депутатов и комиссий. Здесь Император любил играть в бильярд с величими

князьями и офицерами Свиты.

Предложив гостям сесть, Николай сам расположился в углу дивана. Над ним висел портрет Императора Александра III кисти Валентина Серова. Отец хозяина кабинета был изображен на маневрах - с рапортом в руке.

- Господа, я пригласил вас для того, чтобы вы мне подробно рассказали о стихии, которая обрушилась на нашу Москву. Надо ли объяснять, насколько разрушительными могут быть последствия таких массовых волнений. Жертвы, поджоги - и это все происходит в тылу, в самом сердце России. Обстановка на фронтах не позволяет мне думать, что речь идет о случайности или безумном порыве масс. Я хочу знать всё, и в мельчайших подробностях, и не из донесений моего министра, а от вас как от непосредственных свидетелей. Николай Антонович! Генерал Джунковский предупредил меня, что рапорт дадите Вы. Прошу, но только не вставайте!

Генерал Миткевич-Жолток достал из портфеля нужные ему для доклада Императору записи, составленные им еще в поезде.

- Ваше Величество! Я подготовил подробный рапорт. Не знаю, насколько Вас интересуют детали реконструкции этих событий, но я попытаюсь восстановить для Вас их последовательность.

- Прошу Вас!

- Первая толпа с национальными флагами появилась

27 мая сего года около 10 часов утра. Люди шли по Крымскому мосту с Вашими портретами и с пением гимна. Толпа эта, численностью около 2000 человек, прошла через Калужскую площадь и Серпуховскую заставу к фабрике Рябова. Там к ней присоединились рабочие этой фабрики; после чего все пошли к Даниловской мануфактуре. Здесь манифестанты простояли около трех часов.

Когда же рабочие Даниловской мануфактуры прекратили работы и вышли им навстречу, то вся масса - около восьми тысяч человек - направилась в Кожевники.

- Подумать только, стояли три часа и ждали своих товарищей!

- Точно так! Хочу обратить Ваше внимание, что по пути к этой массе людей присоединялись рабочие попутных фабрик, ремесленных заведений, а также праздно гулявшая по улице публика. Пьяные тоже наблюдались, но никаких беспчинств толпа себе не позволяла. Все было пристойно, по крайней мере, до тех пор, пока эта масса людей не подошла к фабрике Цинделя...

- Ситценабивной мануфактуре Эмиля Цинделя, Государь! - встремя Джунковский.

- Владимир Федорович, пусть Николай Антонович сам рапортует. У меня еще будет возможность задать вопросы и Вам, - Николай достал сигарету из золотого портсигара, раскурил ее и положил пепельницу подле себя на диван.

Полицмейстер недовольной украдкой бросил взгляд на Джунковского, отложил бумаги на журнальный столик поверх газет, а портфель поставил на пол.

- Администрация фабрики Цинделя, несмотря на совет Пристава отворить ворота, этого не сделала. Из толпы были выбраны авторитетные люди, и их впустили на фабри-

ку. Они тут же заявили, что желают проверить, нет ли на фабрике германских подданных. Их пропустили и даже предоставили возможность пройти по фабричным корпусам. Между тем оставшаяся на улице толпа, которую явно разогревали провокаторы, продолжала волноваться. Она требовала открыть ворота.

Несмотря на мои уговоры и на противодействие наряда полиции, многие из толпы стали перелезать через ворота во двор. Вот там-то они и были встречены управляющим фабрикой Карлсеном. Он проявил себя довольно агрессивно, пошел против них и даже начал наносить им удары. Перелезшие через ворота сумели открыть их, и вся толпа ворвалась в фабричный двор. Карлсен испугался и бросился бежать в контору. Там его догнали и принялись бить. Другие громили контору. Пристав Подполковник Эклон выбежал на улицу, чтобы взять городовых на помощь, но его самого пришлось выручать. Толпа окружила его и стала наседать, якобы он поранил ножом одного из них. После довольно-таки эмоционального моего объяснения с демонстрантами, в конце концов, удалось успокоить наиболее рьяных. Я от гревха подальше усадил Подполковника Эклона в автомобиль, и пока наряд полиции сдерживал написк, мы сумели выехать за ограду. Тем временем, толпа вынесла избитого Карлсена на улицу, но наряд полиции смог отбить Карлсена и втащить его в садик соседнего владения Бахрушина. Я же, вывезши раненого Подполковника на Кожевническую улицу, возвратился назад. Поставив в садике возле избитого Карлсена охрану, я отправился в толпу. Одновременно со мной на место происшествия прибыл Генерал Адрианов.

- С его приездом беспчинства прекратились?

- На какое-то время да. Поначалу масса слушала уверения Градоначальника и слушалась. Видя ее успокойение, Александр Александрович сам успокоился и решил уехать. Тем временем, со стороны Кожевнической улицы появилась новая многочисленная толпа. Она бросилась в садик владения Бахрушина, схватила Карлсена и потащила его к Москве-реке. Когда мне об этом сообщили, я с прибывшими приставами, пешим и конным нарядом сразу же направился к реке. В это время в плававшем уже Карлсене бросались камнями. Старший городовой Думчев, вскочив в воду, хотел было вытащить Карлсена, но тот стал отбиваться от него и поплыл на середину реки. Там его подобрали двое городовых. Лодка, которую им удалось найти, была ветхой и без весел.

- Где Вы в это время находились?

- Возглавляемый мной наряд полиции сумел отогнать толпу на значительное расстояние от берега, и лодка с Карлсеном могла бы уплыть, если бы не дала течи. Но так как лодка стала погружаться в воду, то городовым пришлоось пристать к противоположному берегу, очень крутому. К месту, где она пристала, сбежалось человек пятьдесят подростков, детей и женщин. Озлобленная толпа стала метать с этого крутого берега камни в лодку. На берег в это время прибежала дочь Карлсена - сестра милосердия. Несчастная девушка упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. Рабочие ее не слушали, и нам, в конце концов, пришлось спасать ее. Тем временем лодка быстро наполнилась во-

дою, Карлсен выпал из нее и, видимо, ушибленный крупным камнем, потерял сознание и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня... Бывшие с ним городовые, находясь внизу крутого берега, защитить Карлсена не смогли. Я с приставами Подполковниками Косоротовым и Танасюком поехал через Симоновский мост. Мы пытались спасти Карлсена, но не успели доехать, как он погрузился окончательно в воду. Городовые пытались вытащить его, но найденные на месте двухсаженные шесты дна не доставали.

- Это ужасно, когда люди теряют свой человеческий облик!

- Пока одна толпа беспчинствовала над Карлсеном, другая заполнила всю Дербеновскую набережную и прилегающие улицы и переулки. Схваченные погромщиками четыре лица с иностранными фамилиями, находчивостью моих приставов были спасены. Подчиненные заявили, что арестовывают иностранцев по подозрению в шпионаже и отправляют их в участок. Толпа в эту легенду поверила и успокоилась.

- Но приблизительно через час тут появилась из Кожевнического переулка новая толпа манифестантов, которая вела владельца фабрики Вебер с криками "топи его".

- Такое впечатление,

что толпы лезли из каждой подворотни?

- Мне тогда казалось то же... Приставу Полякову с околоточными надзирателями и городовыми удалось отбить Вебера. Он объявил толпе, согласно нашей новой легенде, что якобы поведет его в участок для ареста. Почти в то же время еще одна колонна появилась возле фабрики Винтер на Кожевнической улице и начала громить квартиру и контору. Конный наряд разогнал толпу на улице, а пеший задержал в квартире и во дворе 63 разбойника. Вскоре туда прибыл Генерал Адрианов. По его приказанию погромщики были заперты в помещении фабрики. В одиннадцатом часу вечера, когда наряд возле фабрики Винтер был усилен конными жандармами и пешими городовыми, к фабрике Винтер двинулась громадная толпа с целью освободить задержанных лиц. Под моим руководством толпа эта была отогнана нарядом частью на Саратовскую площадь, частью в Гусятников переулок, несмотря на ряд камней, которыми были осыпаны как конный наряд, так и мы.

- Нескончаемое насилие!

- Да, Вы правы, Государь! Разрешите продолжить?

- Продолжайте. Я Вас внимательно слушаю.

- Часов с 8 вечера возле Управления участка на Пятницкой собралась огромная толпа. Она буквально запрудила улицы и проезды. Я же в сопровождении пристава Диевского и Косоротова поехал к фабрике Шрадер. Оттуда были получены тревожные вести. С собою мы взяли 5 конных городовых, ибо большого числа взять было нельзя. Обстановка заставляла оставить конные наряды для охраны как Управления на Пятницкой, так и винного спирта на заводе Гевартовского.

В Садовниках возле фабрики Шрадер стояли рабочие этой фабрики. Они объявили, что сына их хозяина Романа Робертовича Шрадер толпа повела топить. Они прошли его спасли. Однако на мой вопрос, не осталось ли кого-либо из семьи Шрадер или других лиц с немецкими фамилиями, Шрадерские рабочие

ответили, что таких лиц нет. Тогда мы поехали догонять толпу и, пробившись сквозь нее на Валовой улице, возле Малого Краснохолмского моста, поехали впереди нее.

- Вот как? Интересно.

- Да, нужно было дать

толпе привыкнуть к присутствию полиции, установить с ней, так сказать, психологический контакт. Сначала толпа вела Шрадера по направлению к участку спокойно, но когда приближалась с углом Баэршинского проезда, ближайшие к Шрадеру люди стали бить его. Я приказал, чтобы конные городовые окружили Шрадера, и шагов пятьдесят он прошел, не подвергаясь побоям. Но затем забежавшие вперед люди вновь набросились на Шрадера. Несмотря на то, что конные городовые пустили в ход нагайки, они были оттеснены от Шрадера, и тот упал на землю. Тогда я, Подполковник Косоротов и Коллежский Советник Диевский подбежали к Шрадеру. Мы подняли его и под руки повели дальше, уговаривая толпу прекратить побои. Но ближайшие к Шрадеру продолжали бить: и его, и нас. Некоторые же кричали, чтобы нас не били, мол, уговор у них был

- полицию не бить.

- Это значит, что зчинщики и заводили все-таки опались более решительных мер со стороны полиции?

- Несомненно, Государь!

Я изначально настаивал на избирательном применении насилия как к организаторам погромов, так и к наиболее радикальным элементам в толпе, но приказ я так и не получил. Поэтому насилие применялось не к погромщикам, а к полиции и тем гражданам, коих мы пытались спасти. Я хотел бы вернуться к эпизоду со Шрадером...

- Да, прошу Вас, генерал!

- При повороте с Валовой улицы на Зацепский проезд к Управлению участка бывшие тут люди также бросились бить Шрадера и его защитников. Шрадер вновь был повален на землю. Возле автомобиля, стоявшего у подъезда Управления участка, Шрадер упал на землю без чувств. Некоторое время, несмотря на все наши усилия, Шрадера нам не удавалось поднять, но затем приставы Диевский и Косоротов и околоточные надзиратели, невзирая на противодействие прорвавшейся из-за цепи полиции кучки людей, втолкнули Шрадера в автомобиль. Я встал на подножку автомобиля на противоположной стороне и тащил его за руки в глубь автомобиля. Когда Шрадер был уже в автомобиле, конные городовые нагайками расчистили дорогу. Наш автомобиль тронулся. Я так и остался на подножке, прикрывая своей спиной Шрадера от камней. Несколько негодяев вскочили на подножку, но были ловко стащены Ротмистром Кильярским и Коллежским Советником Диевским на мостовую, а наш автомобиль, повернув за угол на Зацепу, умчался под градом камней.

- Ужасная картина. Не выносимо думать, что все это происходило в нашей Москве!

- Пока все это происходило, у фабрики Шрадера появилась новая толпа. Пользуясь отсутствием полиции, негодяи схватили сестру владельца фабрики Бетти Энгельс, жену директора Эмилио Янсен, сестру его Конкордии и тещу его же Эмилио Штолле и двух из них сбросили в водоотводный канал, где они утонули. Две другие были избиты настолько, что одна умерла на месте, а другая - по доставлении в Голицынскую Больницу.

Полицию возможности действовать решительно. У нас были все резоны опасться за жизнь Генерала Адрианова. Александр Александрович - храбрый и благородный человек, но в обозначенной ситуации вел себя весьма доверчиво к агрессивно настроенной массе.

- Присутствующий

здесь Генерал Джунковский

довел до меня суть предъявленных Вам претензий. Вы, как

я полагаю, успели ознакомиться с требованием Прокурора

Московского Окружного суда

по отстранению Вас от должности?

- Так точно, Государь!

Эти четыре женщины были спасены, Государь, если бы рабочие фабрики Шрадер при моем опросе сообщили об их присутствии. Не трудно и не долго было вывезти их на автомобиле за Устьинский мост, а потом уже ехать спасать Романа Шрадера. Нам очень жаль, что они погибли... Погром на фабрике Шрадер был приостановлен около десяти часов вечера нарядом конных жандармов. Окончательно же буйствовавшая возле фабрики Шрадер толпа была разогнана около полуночи, когда я вернулся туда с освободившимся от фабрики Винтер значительным конным нарядом. Когда все уже успокоилось, то задержанные на фабрике Винтер под усиленным конвом были отправлены в Рогожский Полицейский Дом.

- Почему именно туда?